

18+

Виталий Конеев

Молот космоса и месть Женщины

Виталий Конеев
Молот космоса
и месть Женщины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68815128

ISBN 9785005952226

Аннотация

Фантастический боевик и детектив. Продолжение первого романа «Я, звёздный Маршал!» Герой по требованию Орнеллы отправляется в далёкое прошлое планеты Центавр, где уничтожает Станцию Слежения и Перемещения. Становится Звёздным Маршалом.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	23
Третья глава	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Молот космоса и месть Женщины Виталий Конеев

© Виталий Конеев, 2023

ISBN 978-5-0059-5222-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

...Я хочу рассказать то, что со мной произошло с тех пор, как я попал в этот ужасный мир – той женщине, которая спустя сто пятьдесят миллиардов лет вызовет меня с Земли.

Я землянин был похищен в... Не помню, в каком году – толи в 851-ом, толи в 2866, где-то в пустыне, где я пытался любоваться дикой жарой и пирамидами. И зачем? Вот причуда. Но так принято у тамошних людей.

А до этого я жил в стране с названием «СССР».

Отрывочно вижу, хотя всё теперь похоже на сон, что в тот год было плохо с мылом в нашей стране и со стиральным порошком. Но хуже было с хлебом и водой. Воды не было месяцами. Не для питья и помывки тела, а для смыва экскрементов в туалетах. Поэтому все старались «оправляться» ночью, за углом.

И я в свои девятнадцать лет – по-деревенски любивший крепко поесть, да попариться в баньке, изголодавшись и по легкомыслию, спокойно позволил себя украсть агенту Центавра и даже помогал ему в этом...

Итак, я был похищен и не любезно встречен на далёкой планете Центавр шефом контрразведки и разведки Орнеллой, которую вернула к жизни Станция Слежения и Перемещения после гибели цивилизации. Таково было условие дальнейшего существования этого таинственного монстра,

местонахождение которого никто не знал.

Орнелла, ничего не говоря мне о том, что я сделал в её жизни и, управляя мной, как марионеткой, отправила меня в замок Магмус и едва ли не силой запихнула в ворота, за которыми меня ждала смерть.

Я прошёл из того времени, в котором жил на Земле – в далёкое прошлое планеты Центавр в эпоху Звёздных войн, ментально пройдя сто пятьдесят миллиардов лет, но деревенские гены и хороший аппетит не подвели меня.

Замок Магмус был космической базой нашего противника.

Я быстро разобрался: в чём дело, смешался с центаврами.

Среди пленниц в замке я встретил пятнадцатилетнюю девушку Орнеллу. Мне удалось обвести вокруг пальца хитрого Гордона. И я с группой центавриек захватил огромный космический корабль и бежал с планеты, у которой ещё не было названия.

В последний момент мне передали письменный приказ той Орнеллы, которая проводила меня в прошлое своей цивилизации: уничтожить Станцию Слежения и Перемещения и признание, что я в прошлом времени, которое меня ожидало, убил Орнеллу. Но ведь «кто предупреждён, тот и вооружён».

И вот когда фотонный корабль стал медленно удаляться от планеты, я в изумлении подпрыгнул: почему же нас не преследовал Гордон??!! Ведь на каждой космической ба-

зе были ракеты и противоракеты.

Я в это время находился в зале управления кораблём и внимательно следил за экранами, на которых видел планету, её реки, моря, зелёные материки – и видел в виде точки замок Магмус.

Электронные двигатели слишком медленно тянули наш звездолёт в чёрный космос.

Пятнадцатилетняя Орнелаа стояла рядом со мной. Впрочем, нет, она привалилась ко мне и с нежной улыбкой внимательно изучала моё лицо.

– Скажи, Евгений, можно я буду звать тебя просто Женя?

– Конечно, можно.

– А скажи: у вас на Земле все такие реактивные, как ты?

Я в изумлении посмотрел на девушку. Что она говорит? И в такой момент. И поэтому я отрывисто буркнул:

– Нет, только я... – И, понимая, что это не так, я невнятно пробормотал, сделав жест рукой себе за плечо: – ...и ещё несколько парней из Томска.

Я бросился к пультам управления, за которыми сидели центаврийки и крикнул:

– Гордон здесь! Проверьте весь корабль!

И я вновь подхватил свой пулемёт, и, ломая ногти, вбил в него новую ленту: Гордон мог ворваться в рубку в любую минуту, и неизвестно с какой стороны. Ведь он хорошо знал звездолёт.

На экранах появилось растерянное лицо, но это был мой

робот Циркон. Вскоре он вбежал в рубку и, плача, дрыгая ногами, повис у меня на шее, льстиво заглядывая мне в глаза и хватая мои руки для поцелуя.

Я спросил его о Гордоне.

– О, сэр! – завопил робот, поправляя и чистя мой изорванный комбинезон. – Вы чуть не убились, а я так страдал за вас!

И он расплакался.

– Где Гордон?

– Сейчас, сейчас... вот когда я полз по залу, а вы метили в меня...

Я сильно сжал горло робота и занёс над ним кулак. Он сразу ответил:

– Я видел, как Гордон убежал куда-то в глубину замка.

– И это всё?

– Нет. Он что-то говорил своим людям, на бегу.

– Что говорил?

– «Не стреляйте – пускай уходит!»

– И это всё?

– Нет. Он грозил кулаком и кричал: «Только посмейте!»

А когда увидел меня, то пинком ноги повернул меня назад, и я вернулся к вам на помощь, сэр. Ведь, правда – вы сделаете меня Главным роботом, как обещали?

Я облегчённо вздохнул и вынул из кармана сигареты и спички. Закурил и привалился спиной к стене рубки, пытаясь понять, что произошло с Гордоном, с этим хитрым, хо-

лодным человеком, который, как я понял, ради мести готов был пойти на смерть...

Между тем, я видел на экранах, показанный с разных сторон, наш корабль, который, наконец, включил свой фотонный двигатель. За его отражателем всплеснула нестерпимо яркая вспышка, и звёзды дрогнули и начали перемещаться в чёрном космосе всё быстрее и быстрее, а снап света растянулся за кораблём в бесконечную огненную ленту.

Я сделал знак Циркону и Орнелле оставаться в рубке, а сам спустился на нижнюю палубу и прошёл в тот зал, где находился болтливый робот – парикмахер. Я сел в кресло, откинулся на спинку и ощутил освежающую прохладу.

Надо мной прозвучал приятный, бархатный голос:

– Я знаю, зачем вы пришли ко мне, Евгений.

– Тогда отвечайте: где Гордон?

– В замке Магмус.

– Что он придумал?

– Я не могу сказать, потому что, узнав тайну, вы немедленно погибнете. У Гордона есть средство уничтожить корабль на любом расстоянии от замка.

– Каким образом?

– Электронные системы замка продолжают следить за вами.

– И если вы откроете мне тайну...

– Нет, нет, Евгений. Я это не сделаю, но хочу предупредить... впрочем, и это не могу.

– Гордон слышит нас?

– Да.

В этот момент прямо передо мной на поверхности зеркала появились слова, как если бы кто-то их торопливо писал краской или губной помадой. «Зайди ко мне после того, как звездолёт опустится в шахту Центавра, но не раньше...

Едва я прочитал эти слова, как они исчезли.

Я вернулся в рубку. Заметил на экранах нечто странное: длинный шлейф белой плазмы, что тянулся за отражателем корабля, внезапно исчез, а сам корабль начал быстро растягиваться и превращаться в серый монолит, который вскоре, словно дымка, растворился на фоне летящих мимо звёзд.

И вот тут я почувствовал страшную усталость, и вдруг опустился на пол, и лёг на бок и, поджав ноги, уснул. Но даже занятый сладким сном, я ощущал, что под моей щекой находятся нежные ручки Орнеллы. В них было что-то от мамы. И мне хотелось, как в детстве, забраться в них, потому что где-то в глубине моей памяти возникло чувство опасности. И я мысленно пытался разглядеть её, но она, уже почти различимая, медленно уплывала вперёд, то в виде дымки, то в виде реки. Я шёл за нею и хватал руками это нечто прозрачное, в котором звучали голоса, пулемётный треск и оглушительные взрывы. Но вот что-то мелькнуло впереди, и я услышал тихий голос Орнеллы:

– Остановись, это твоя смерть.

Тёмная, плохо различимая фигура, окутанная дымкой,

шла мне навстречу. Но я не стал её ждать. Шагнул вперёд и увидел лицо Гордона.

Чуть растянув тонкие губы и сверля меня холодным взглядом, он принуждённо смеялся. В его руках были два пистолета. Один из них Гордон кинул мне небрежным жестом.

– Возьми, Евгений. И запомни: я человек чести. Стреляться будем на счёт «три».

Я ещё не успел поймать оружие, как вновь услышал умоляющий нежный шёпот Орнеллы:

– Женечка, беги, иначе ты умрёшь.

Пистолет показался мне слишком лёгким. Я быстро оттянул затвор. Патронов в обойме не было.

Гордон рассмеялся и начал изящным жестом поднимать свой пистолет, говоря:

– Я насладился мстью, а теперь, Евгений, прощай.

Кровь ударила мне в голову: быть мишенью в последний миг моей жизни?!

Я в два прыжка оказался перед Гордоном, видя вспышки, бьющие мне в лицо и ощущая тяжёлые удары, которые разрывали мне грудь и голову – и вонзил в растянутый замочной скважиной широкий рот centaвра ствол пистолета. И, падая, услышал злобный вскрик моего врага:

– О, проклятье! Он, как всегда, испортил мне песню!

Я вскочил на ноги и, видя, что находился в зале корабля, облегчённо вздохнул. Отёр мокрое от пота лицо рукавом комбинезона и наклонился над сидевшей на полу Орнеллой,

любуясь ею.

Я протянул руки к девушке, поднял её с пола и хотел увести в коридор, но она отстранилась от меня и, глядя себе под ноги, сказала сердитым голосом:

– Я знаю, что ты хочешь сделать со мной. Я вижу твои мысли. Не смей!

В глазах Орнеллы был ужас, когда она смотрела в сторону коридора, куда я хотел увести её. Но, тем не менее, она понемногу уступила мне. И, наконец, сама вышла за дверь, и, закрываясь от меня руками, воскликнула:

– Ну, Женя, по – моему ты как-то странно заболел! Ты весь горишь!

Я накинулся на девушку и начал целовать её губы. И пока она, закрывая своё лицо, говорила: «Женя, зачем это нужно? Ты мог бы словами сказать. Что любишь меня» – я расстегнул её комбинезон и обнажил грудь. И когда стал ласкать её тело, она прижалась ко мне и очень тихо сказала:

– Мне это нравится. Только уйдём отсюда.

Но в этот момент заревела сирена, и я, в ярости укусив себя за руку – помчался в зал.

Наш корабль, войдя в Солнечную систему центавров, начал тормозить, выбросив перед собой длинные струи огня.

Все экраны заполнили девять планет из десяти, что составляли Солнечную систему. Их поверхность была изрыта огромными воронками. На планетах не было рек, морей, лесов. Из невидимых шахт, из – под чёрной земли, вырывались

сотни и сотни ракет – узкие, длинные с фотонными отражателями – они стремительно уходили в нашу сторону.

Наш корабль круто изменил курс и на его боках в мгновение открылись бесчисленные люки, обнажив тёмными провалами сеть противоракетных батарей. Ракеты залпами вылетали из корабля и шли на перехват себе подобных ракет.

Уже через несколько минут на огромном расстоянии от нас вспыхнули яркие солнца взрывов и начали сливаться в единую огненную полосу, охватывая корабль со всех сторон и быстро приближаясь к нам.

На экранах потекли непрерывным потоком цифры скорости, расстояния, что отделяли ракеты врага от нас, графическое изображения их электронной начинки и оптимальные варианты борьбы с компьютерами и уничтожения, которые тут же выбирали бортовые станции слежения и защиты и выстреливали новой очередью противоракет навстречу врагу.

Космос полыхал огнём, а наш корабль, летя ему навстречу, продолжал гасить свою скорость.

Этот космический бой казался мне великолепным зрелищем. Впоследствии я узнал его цену: корабли – одиночки никогда не доходили до Центавра.

Десятая планета ничем не отличалась от тех девяти, которые я видел чуть ранее – всё та же чёрная поверхность и рваные воронки. Однако у девушек, при виде этой планеты, появились на лицах слёзы счастья.

Мы быстро опускались на планету Центавр, словно пада-

ли на неё. А там, внизу курились дымками радиоактивные смерчи. Земля без атмосферы была залита лучами жестокого солнца. Её окружал холодный звёздный космос.

И вот на её поверхности открылась шахта, и корабль медленно скользнул в чёрный зев.

Теперь на экранах появились группы людей в одинаковых комбинезонах

Орнелла указала мне на одну из молодых женщин.

– Вот моя мама. Она уже видит меня.

Но в это время моё внимание привлёк центавр, который часто подносил к своему крупному носу букет цветов и то и дело закатывал вверх глаза, видимо наслаждаясь его запахом.

Я никак не мог разглядеть его лицо: он то и дело поворачивался к маме Орнеллы и, продолжая погружать свой нос в цветы, что-то весело говорил ей.

Этот человек был похож на Гордона!

Я следил за каждым его движением и всё более и более убеждался в том, что этот человек ещё недавно был главой службы безопасности замка Магмус.

Вот он, наконец, оторвал свой нос от букета. И я вскрикнул:

– Орнелла, это Гордон!

И помчался к выходу из корабля, а за мной устремились центаврийки, смеясь, переговаривались, что я весёлый парень.

За открытым люком я увидел прозрачный туннель, кото-

рый мне показался слишком длинным. Я бежал на пределе сил, боясь, что Гордон мог исчезнуть, спрятаться задолго до того, как я появился бы на площадь, где нас ожидали центавры.

И вот, наконец, я выскочил из туннеля. Услышал гром аплодисментов и метнул взгляд по лицам стоявших людей. И наткнулся на Гордона, который растягивая тонкие губы в счастливой улыбке, вышел вперёд и, погрузив в последний раз свой огромный свой нюхательный аппарат в букет, отстранил его от себя, протянул мне и эффектно крикнул:

– Победителю и освободителю!

И тут же он умолк, получив от меня сильнейший удар в подбородок – упал, как подкошенный, как пучок травы.

Аплодисменты затихли. Наступила тишина.

Ко мне подскочила Орнелла и сердито крикнула:

– Глупый, глупый, что ты наделал?! Он мамин помощник Песка!

– Это Гордон!

– Нет, Песка!

Песка, продолжая растягивать губы в улыбке, поднялся с земли и протянул мне руку.

– Я уверен, Евгений, мы будем хорошими друзьями.

На лицах людей, что стояли рядом со мной были растерянность и укоризна.

Я в отчаянии повернулся к Орнелле и громко сказал, так, чтобы слышали все:

– Да разве ты забыла, что эта сволочь была башмаком тебе в лицо в долине у замка Магмус?

– Я ничего не забыла, но ты ошибаешься. Он Песка и старый друг нашей семьи.

Орнелла потупилась и, чуть краснея лицом, тихо добавила:

– Может быть, ты ревнуешь? Я читала в книгах, что раньше у нас тоже были такие, как ты, парни, ревнивые.

Песка стоял передо мной с протянутой рукой, дружелюбно глядя мне в глаза, но я чувствовал, что передо мной враг. И я, не скрывая ненависти, не обращая внимания на удивлённые возгласы центавров, сказал Песке:

– Я знаю, что ты Гордон. И если ты легко обманул их, то меня ты не обманешь.

И я крепко ударил кулаком по его протянутой руке, и отвернулся.

Мама Орнеллы – Ольга – в изумлении всплеснула руками.

– Боже мой, сколько в нём энергии, и это после побега из замка Магмус. Орнелла, откуда он взялся?

Девушка разулыбалась и, положив на моё плечо голову, с удовольствием ответила:

– Он сошёл с неба, чтобы спасти меня. Он Сын Неба.

– Я должна проверить его.

Орнелла быстро шепнула мне:

– Мама контрразведчик... – и напряжённым голосом сказала маме: – ... не смей, мама, иначе...

И она закусила губку.

Я же, вспомнив странный сон, стремительно глянул на Песку и с удивлением заметил на его бледных губах два маленьких шрама – один над другим.

Да сон ли это был?!

Центавры, между тем, пожимая плечами и удивлённо фыркая, начали покидать площадь, подчиняясь повелительному жесту Ольги, у которой, как и у всех жителей планет Солнечной системы, не было ни отчества, ни фамилии. И едва площадь опустела, и мы с Орнеллой, держась за руки, остались вдвоём перед женщиной с твёрдым и властным выражением лица, как внезапно с лёгким шумом – откуда-то сверху – размашисто шмякнулись, опустились рядом с нами десятка полтора машин. Из них выскочили юные девушки в белых комбинезонах с обычными своими ножами и пистолетами – и одна за другой помчались в туннель.

Жёсткие, сильные пальцы впились в мои плечи, рванули меня грубо и больно. И я едва ли не кубарем влетел в машину, где меня в мгновение приковали наручниками к боковой стене.

Я уже давно знал, что на этой планете воспроизводили в основном женщин. И не только потому, что центаврийки презирали мужчин – кстати, их было немало на площади – а в силу того, что женщины были сильнее, активней и выносливей, чем представители противоположного пола. И всё равно я не мог воспринять, что эти хорошенькие де-

вушки – жесточайшие коммандос, которым не свойственны были чувства жалости, любви, дружбы.

И это было не следствием войны, а признаком вырождения цивилизации, когда человечество начинало возвращаться в первобытное состояние.

Мужчины и женщины Центавра и остальных девяти планет только внешне отличались друг от друга, и уже сотни лет – задолго до звёздных войн – превратились в средний пол.

Разумеется, Ольга воспитала Орнеллу, но не родила, а получила её маленькой малышкой в инкубаторе.

В моей душе была горечь.

Я готов был заплакать от обиды на грубость и неблагодарность центавриек, на равнодушие Ольги, на то, что я оказался в этом мире, откуда никогда не смогу вернуться на Землю.

Чувство несвободы настолько сильно мучило меня, что я даже не пытался глянуть в узкую бойницу машины, за которой мелькали далеко внизу улицы города, а так же синее небо и солнце.

Я встрепенулся лишь в тот момент, когда рядом со мной с грохотом откинулся в сторону люк, и я увидел только на короткое мгновенье, что наша машина опустилась на крышу небоскрёба. После чего скоростной лифт с воем помчал нас в глубину здания.

Во время этого полёта, центаврийки сняли с меня наручники, а едва лифт замер – вытолкнули из кабины в зал,

и лифт исчез вверху.

В зале за круглым столом сидел Гордон в белом комбинезоне, на котором чернела цифра «1».

Гордон указал длинным пальцем на кресло, что стояло по другую сторону стола.

– Присядьте, Евгений, и извините меня за эту маленькую месть. Ведь я должен был как-то отплатить своему сотруднику за его удар.

На холодном лице Гордона появилась хитроватая, добродушная улыбка. Вдруг он с озабоченным выражением лица шумно понюхал воздух и сунул себе под нос пузырёк, продолжая улыбаться мне и мигать глазами.

Я сел в кресло.

– Гордон, ты говоришь, что я буду твоим сотрудником?

– Я, Песка, и прошу называть меня так. – В голосе центавра прозвучала угроза. Он кольнул меня ледяным взглядом и продолжал говорить: – А если вам Евгений, что-то не нравится, то вы можете с первым флотом уйти на космический фронт, откуда из миллионов, порой, возвращаются десятки солдат. Да и те... – он сделал брезгливый жест рукой -... сумасшедшие. Я покажу вам их.

Он откинул руку назад и, не глядя, пробежал пальцами по кнопкам панели. За его широкой спиной словно открылось окно, и я увидел зелёные поляны, по которым бегали, смеялись озорные девчонки.

Они играли в детские игры и ничем не напоминали на тех

наупленных волевых девушек, которые пополняли собой космические армии.

Несмотря на всю странность своего положения, я при виде юного, беспечного веселья, улыбнулся и с удовольствием начал следить за центаврийками, среди которых кое – где мелькали мужчины. До меня донёсся ироничный голос Гордона:

– Вот видите, Евгений, их безумие заразительно и привлекательно. Впрочем, если бы Станцию Слежения и Перемещения включили...

– А что? Разве она не работает?

– Конечно, нет, потому что мы, центавры, боимся роботов, искусственный интеллект, который всегда может предать. И кстати, одно из направлений вашей работы заключается в том, чтобы отслеживать среди компьютеров сверхумных. Они с лёгкостью вступают в контакт с врагом, желая сделать нам, людям, приятное дело: заключить мир. И если в наших электронных системах появится враг, то поверьте мне – планета станет гробом для людей в считанные секунды.

Гордон – Песка вновь откинул руку на панель на панель с кнопками, но за долю секунды до того, как изображение исчезло за его спиной – я заметил на одной из весёлых полян знакомое лицо человека, которого ещё недавно хорошо знал.

Он был похож на Коло.

Я перевёл взгляд на Песку. Он настороженно следил за мной, уже забыв о своём пузырьке с необычайно крепкими духами.

Теперь я был уверен, что этот хитрый человек всё делал с определённой целью. Возможно, он знал Коло и подталкивал меня к нему для того, чтобы я как можно скорей уничтожил Станцию. Но ему — то какая от этого польза, если мирная Станция отключена на время войны? И разве он, находясь на планете много лет, не смог найти к ней дорогу?

Я пока ничего не понимал, но решил действовать прямо, чтобы окончательно убедиться, что Гордон не случайно показал мне Коло.

– Скажите, Песка, вы знаете, где находится Станция?

– Нет, но если вы желаете знать... – он растянул губы в насмешливой улыбке, словно говоря, что мы оба играли в одну игру, но ведёт в игре он, Песка

Он вновь прижал длинными костистыми пальцами кнопки. За его спиной возникла поляна с задумчивым Коло.

Гордон – Песка не оборачиваясь, указал на него рукой.

– Вот перед вами создатель Станции Слежения и Перемещения. Он сошёл с ума.

– Где я могу найти поляну с этими людьми?

– В конце города. Орнелла вам покажет.

Мы с Гордоном – Пеской продолжали внимательно смотреть друг другу в глаза. Мы были врагами, но у нас была одна и та же цель. Я усмехнулся, давая понять центавру, что готов продолжить его игру.

– У меня создаётся впечатление, Песка, что вы ждали моего прибытия на планету, чтобы познакомить мне Коло.

Он откинулся на спинку кресла и, разъяв рот в недовольной гримасе, крикнул:

– Мне всё равно, что вы там думаете, Евгений! И запомните: завтра вы явитесь в этот зал для дальнейшего курса обучения. И если вы окажетесь непригодным для этой службы, то в виду секретности её, вас отправят на космический фронт. А пока прощайте.

И он, указав ледяным взглядом на вход, рядом с которым я заметил на стене небольшой красный круг, добродушно добавил:

– Отныне, вы можете пройти в любую дверь, но только в нашем городе.

Я прижал свою ладонь к красному кругу. Створки дверей молниеносно распахнулись передо мной, и едва я переступил порог, как они с резким щелчком захлопнулись за моей спиной.

Глава вторая

Итак, я вышел в коридор, плохо понимая, что происходило вокруг меня и думая о загадочном поведении Гордона – Пески, как вдруг увидел идущую мне навстречу Орнеллу. В её руках были аккуратно свёрнутый комбинезон и широкий ремень с пистолетом и ножом.

Я остановился удивлённый и восхищённый походкой девушки, на ногах которой вместо обычных тупоносых, огромных башмаков были изящные босоножки на высоком каблучке.

Откуда она их взяла? Ведь центаврам более тысячи лет неизвестна модельная обувь.

Лицо Орнеллы было подкрашено, что превратило её в сказочную красавицу.

Она, между тем, подойдя ко мне, улыбаясь, погладила мой лоб.

– Я увидела в твоих мыслях, что делали девушки Земли, перед тем, как пойти на свидание.

Она взяла меня под руку и куда-то повела. Я же, очарованный ею, шёл рядом и безотрывно любовался её лицом. И считал себя недостойным быть даже другом этой центаврийки. А ведь ещё несколько часов тому назад я хотел получить от Орнеллы весомые знаки любви и сердился на её упорство.

Сейчас же я был не в силах взять её за руку. Она была недоступна для меня. И это несмотря на то, что я более чем когда-либо раньше чувствовал её привязанность ко мне. О её любви ко мне я уже не смел думать!

Мы вошли в комнату, где шумела вода.

Орнелла, смеясь (я всё ещё любовался ею), взяла пальчиками мой подбородок и повернула мою голову в сторону шумевшей воды.

– Вот, Женя, перед тобой душ. Помойся, а я посмотрю на тебя.

Она села на лавочку и, по —детски, опустив голову на кулачки, начала с улыбкой следить за мной. Я потоптался перед душем и, пожав плечами, сказал:

– У нас на Земле девушки в таких ситуациях выходят...

На что Орнелла серьёзно ответила:

– А у нас не выходят. Женя, ты центавр, поэтому подчиняйся нашим законам.

И тут же она вышла в коридор.

Я скинул с себя тяжёлые башмаки, чёрный комбинезон и помчался под струи воды. В эту минуту жизнь казалась мне великолепной штукой! И как дикая, смешная фантастика, мелькнули в моей голове картины столовых в Томске, в которых я с интересом смотрел, как поварахи готовили хлебные котлеты. Они, стоя лицом к очереди рабочих или студентов, выдирали из булки хлеба мякиш, лепили из него котлеты, бросали на сковородку, где чадил скотский жир. А в «Меню»

было напечатано, что котлеты говяжьи на сливочном масле. Я ел во всех томских столовых и привычно смотрел на воровство поварих. А те мужики, которые ели в столовой в первый раз, вскрикивали, матерились. А поварихи смеялись в ответ. Это называлось «строительством коммунизма», «перестройкой» и «овладением новым мышлением».

После душа я надел белый комбинезон, застегнул на поясе ремень с пистолетом и ножом и, подойдя к зеркальной стене и осматривая себя, я вспомнил, что должен был зайти к корабельному роботу- парикмахеру.

– Да, да, – сказал я самому себе, – нужно немедленно отправиться к парикмахеру и узнать, что меня ожидало в этом мире?

Однако мне было только девятнадцать лет, и я в своей жизни всегда на первое место ставил любовь. Вот поэтому, едва я шагнул в коридор, как немедленно схватил хорошенькие ручки Орнеллы и осыпал их поцелуями, уже забыв всё на свете.

Взволнованные мы вышли на пустынную, тихую улицу и сели в машину.

Орнелла ткнула пальцем в щиток приборов, и наша машина плавно опустилась в подземный сверкающий пёстрыми красками широкий туннель. И когда её колёса коснулись белого дорожного полотна, девушка выжила до пола кабины педаль газа. И мы со скоростью ракеты помчались вперёд.

Нас почему-то охватил приступ смеха. И мы с Орнеллой

до слёз – отчаянно — смеялись все те несколько минут пока машина с воем летала по дороге. И только благодаря автопилоту мы не разбились на перекрёстках о встречные скоростные автомобили.

Орнелла, сверкая глазами, хлопала меня по рукам и кричала:

– Ещё несколько часов назад я должна была погибнуть! А теперь я еду домой и везу тебя!

Она вдруг затихла, откинулась на спинку кресла и, чуть краснея лицом, отрицательным жестом качнула головой.

– У нас это не делают.

– Что не делают? – спросил я, словно ничего не понял, продолжая безотрывно смотреть на неё.

– Женя, я сплю в твоих мыслях и поэтому знаю всё, всё про тебя. Знаю, с кем ты целовался, где жил. И знаю, что в Советском Союзе ты называл хлебные котлеты апофеозом строительства коммунизма.

– И каким я тебе кажусь?

– Замечательным! Только странно, что у вас на Земле такие, как ты, считаются плохими, а лживые, двуличные негодяи называются «порядочными людьми».

В ответ я пожал плечами, несколько озадаченный словами центаврийки.

Машина плавно затормозила, съехала на обочину дороги в туннеле, где мелькали пёстрые огни, – и остановилась на квадратной площадке, которая почти сразу выбросила нас

наверх, на улицу города. Орнелла крутанула «баранку» и, дав на педаль газа, лихо подвела машину к зданию. У входа на стене, как и всюду, был красный круг. Мы по очереди опустили на него ладони. Дверь мгновенно распахнулась, и мы вошли в квартиру.

В квартире девушка села на диван и, принуждённо смеясь, сказала с надломом в голосе:

– Мне всегда это было смешно, когда я смотрела...

Она быстрым движением руки схватила со столика книгу и, радуясь тому, что нашла выход из трудной ситуации, радостно воскликнула:

– Давай почитаем!

И тут же отбросила её в сторону, и, растерянно взглянув на меня, пролепетала:

– Мне просто не по себе от твоих мыслей. Ты опять горюшь. И температура поднялась. Впрочем, если ты не можешь без этого...

Она отчаянно вздохнула и уже готова была потянуть замок молнии на комбинезоне вниз, но вдруг вскочила с дивана и начала торопливо щёлкать кнопками приборов, лукаво поглядывая на меня.

– Давай посмотрим наше кино.

Но я не обращал внимания на кадры, что замелькали на стенах комнаты.

Орнелла, как бы случайно ускользнула из моих рук, забежала мне за спину и, смеясь, всплеснула руками.

– Боже мой, ты же любишь поеть! Как я могла забыть об этом!

Когда я поймал её, у неё на ресницах заблестели слёзы. Она мне в этот момент показалась мне такой беззащитной и слабой, что я почувствовал себя чудовищем.

– Ну, Женя, – умоляюще —просительно сказала Орнелла, – успокойся, выпей воды. Ты просто есть хочешь.

Она торопливым жестом – прямо из воздуха – взяла стакан и протянула мне, и расширенными глазами с надеждой стала смотреть в моё лицо.

Я выпил воду. Орнелла разочарованно и очень мило развела руками.

– Почему-то не действует стабилизатор.

После чего она сказала: «Ух!» Серdito топнула ногой и опять, сделав какой-то странный жест рукой, с сияющим лицом протянула мне варёную куриную ножку, торжествующе воскликнула:

– Ну, теперь ты успокоишься!

Я с удовольствием съел ножку, но это меня не охладело, наверное, потому, что я любил сибирские морозы в 50 градусов.

И пока я был занят этим серьёзным делом, Орнелла, развеселяясь и прикусив губку, очень быстро пробежалась пальцами по множеству кнопок пульта управления. Их она и нажимала, выхватывая с подноса – площадки стакан и аппетитную куриную ножку.

Потом девушка усадила меня на стул, сама села в полутора метрах передо мной и тихо шепнула: «Тс-с-с-с.»

Через несколько минут пол под нашими ногами скользнул в сторону, а снизу вверх плавно поднялся огромный стол, уставленный судками, чашками, блюдами и тарелками – закрытыми и открытыми. В них были вполне земные супы, мясо, птица, разнообразные холодные закуски, деревенское варенье, мёд и прочее, прочее. Ну, как тут было не вспомнить «комплексный обед» за 51 коп в столовых Томска! На наших глазах поварихи варили отдельно картошку, морковь, а жидкость сливали в канализацию. Сухое варево поварихи сбрасывали в огромный чан, над которым была труба с краником. На трубе было всегда написано «гор», но часто из этой трубы шла вода под названием «хол». Поварихи включали «гор» и наполняли чан, потом из них черпаками наливали в кастрюли варево и несли на раздачу. Разливали эту баланду по тарелкам, чуть, чуть добавляя сметаны... на кончике ложки. Да! Эта баланда и хлебные котлеты были апофеозом строительства коммунизма в СССР.

Орнелла, наливая в тарелку суп, от которого исходил ароматный запах (советская баланда ничем не пахла!), сказала: – Всё это я увидела в твоей голове. Возьми, ешь. Только руки помой. Это тоже, по-вашему.

Когда я, не желая обидеть Орнеллу, съел всё то многое и прекрасное, что лежало и стояло на столе, у девушки слегка округлились глаза.

– Ну и ну.

Я сдержанно кашлянул в кулак и ответил:

– У нас в деревне все так едят, особенно, во время покоса.

И тут со мной произошло что-то странное: я начал рассказывать центаврийке о том, как в деревне косят траву и что такое «ручка», и как её нужно держать, чтобы ряд получился ровный.

Я ходил по комнате, размахивал руками и вдруг вспомнил рассказ дедули о хрущовских временах, когда власти запрещали людям готовить сено для своей живности, и люди, конечно, стали воровать колхозное достояние. Но воровали чаще «остатки», то есть то, что не смогли забрать колхозные возчики.

Однажды зимой дедуля и бабуля взяли больше санки и отправились на другую сторону Оби, на колхозные луга. Они быстро нашли полу – занесённый снегом «остаток», наполовину съеденный мышами, и начали торопливо дёргать пучки гнилого сена, настороженно поглядывая по сторонам. Как бы «объезчик» не появился!

А он тут, как тут! Тихонько ехал в кошёвке, с ружьём – и прямо на моих стариков!

Те от страха обезножили. С места сдвинуться не могли. Рты открыли и смотрели на «объезчика», авось, не заметил. А сами у дороги стояли и пучками сена лица закрывали.

И увидели: «объезчик» спал!

Тут бабуля раскинула руки в стороны и, подняв лицо

к небу, громко зашептала:

– Держи меня, Митрич, ох, держи – закричу!

– Тиши, дура, посодют, – со стоном откликнулся деда.

– Держи!

Дедуля зажал бабуле рот, а та начала кусаться, ногами дрыгать.

Кошовка с «объезчиком» всё ближе подъезжала, и уже был слышан крепкий храп мужика. И тут бабушка по – молодому сверкая глазами – это потом не раз отмечал дедуля – рванулась навстречу саням с криком: «Ой, как хочу закричать-то!»

Дедуля помчался за ней, но не догнал.

Она подскочила к «объезчику» и разразилась отчаянным криком: «А – а – а!»

Тот проснулся, выпрыгнул из кошёвки и, вжимая голову в плечи, помчался по белой целине к околку, а бабушка, счастливо улыбаясь, облегчённо вздохнула.

– Ох, как на душе хорошо —то стало.

«Объезчик» обернулся, узнал стариков, махнул им рукой и сладеньким голосом сказал:

– Эй, Митрич, ты мне ружьишко – то принеси, а уж я вам помогу добраться до села. Вот крест даю! – и он перекрестился.

Дедуля подхватил ружьё и бегом отнёс «объезчику», а когда тот взял в руки ружьё, то сразу в лице изменился, зарычал властно и сильно, медвежьим голосом:

– А ну, мослы вверх! Вперёд!

И повёл моих бедных стариков через всё село в милицию.

Бабушка шла, руками закрывалась. Надеялась, что её не узнали. Но сельчане нарочно её узнавали, смеялись и кричали: «Теперь за гнильё посодют вас!»

Орнелла смеялась до слёз, слушая эту маленькую историю, топала ногами, а мне было не смешно, а очень грустно.

Орнелла подошла ко мне, обняла и с сильным чувством сказала:

– Мой дорогой инопланетянин, я тащусь от того, что ты пришёл в наш мир. Ты можешь делать со мной всё, что хочешь.

И она сама чуть расстегнула комбинезон, глядя на меня глазами полными восхищения и любви.

Я опустил девушку на диван и начал освобождать её тело от одежды, любуюсь её красивой кожей, грудью, скользя пальцами по её впалому животу и тонкой талии, на которой, словно нарочно преграждая моим рукам дорогу к нежнейшим прелестям Орнеллы, комбинезон был крепко затянут пёстрым кокетливым пояском. И пока я развязывал его, прибегая к помощи зубов, я чувствовал, как напрягалось тело моей центаврийки и вздрагивало от моих прикосновений. Я так же слышал умоляющий тихий голос Орнеллы:

– Женя, довольно. Ты меня пугаешь.

И когда я, наконец, распутал сложный узел и снова потянул комбинезон вниз, Орнелла порывисто села на диване

и сжала мои руки.

– Если ты сделаешь это, я умру!

– От этого не умирают.

– Ну, хорошо. Только давай оставим всё на завтра или на понедельник.

И она быстро отстранилась от меня, и уже довольная тем, что на сегодня всё закончилось, счастливо улыбнулась. Но, взглянув мне в лицо, поникла плечами и полной растерянности пролепетала:

– Я даже не знаю, что ты хочешь сделать со мной?

– Но ведь ты любишь меня?

Она опустила руки и легла на диван. С её пушистых ресниц скатились на виски прозрачные капли слёз...

За окном уже начали сгущаться сумерки. Искусственное солнце скрывалось за искусственным горизонтом, когда я, не ощущая какой-либо усталости, но полный любви и обожания к Орнелле, разжал объятия.

Она открыла глаза и, растерянно улыбаясь, сказала:

– Всё, что было раньше – это одно, а сейчас – всё другое.

Орнелла посмотрела вокруг и добавила:

– Мир стал другим, потому что в нём есть ты.

Она легла на мою грудь, прижалась припухшими губами к моим губам и долго смотрела в мои глаза.

– Женя, я вижу и знаю, что у той Орнеллы, которая отравила тебя в этот мир, лицо похоже на маску.

– Ты просто изменилась.

Она отрицательным жестом качнула головой.

– Я не хочу так долго жить без тебя. Это страшная вечность. И кто посмел сделать меня вечной?

– Вероятно, Станция Слежения и Перемещения.

– Но хотела бы я знать: за что? И где я так долго находилась? И была ли я живой в это время?

Я потянул к себе комбинезон. Мы быстро оделись и поехали по туннелю на космодром. Таких городов, как наш город, на десятках уровней были сотни тысяч.

Орнелла загрустила, словно мы скоро должны были расстаться. Она кивнула головой.

– Да, мы с тобой проживём очень мало в сравнении с теми миллиардами лет, когда я буду жить одна.

– Орнелла, это не произойдёт. Я уничтожу этого монстра так, что от него даже пыли не останется.

– Но тогда почему в будущем я уже прожила миллиарды лет? И там сохранилась Станция. Значит, ли это, что ты, Женя, погиб до того, как попытался убить её? И значит ли, что ты идёшь второй раз по одному и тому же кругу?

– Ну, если это круг, то я его разорву, – ответил я беспечно, ничуть не сомневаясь в том, что я мог выполнить приказ той двадцатипятилетней Орнеллы.

Моя центаврийка порывисто повернулась ко мне.

– Женя, ты словно забываешь, что это я отправила тебя в прошлое. И, несмотря на то, что мы сейчас хорошо знаем наше будущее, мы почему – то не сможем его избежать

Орнелла, конечно, давно прочитала или увидела в моих мыслях то письмо, в котором была предсказана её смерть, но она никогда не говорила мне об этом. А я не верил, что смог когда – либо стать марионеткой в чьих-то руках и убить её.

Космодром был запретной зоной, и Орнелла являясь в настоящее время частным лицом, не имела права войти туда. То есть, перед ней не открылась бы ни одна дверь, а дверей здесь было много.

Машина остановилась в сверкавшем пёстрыми огнями широком, пустынном туннеле. Прямо перед нами над капотом в воздухе возникла ярко красная строчка слов «Дальнейшее движение вашей машины, Евгений, опасно для вас и вашей спутницы!»

Едва я успел прочесть эти слова, как появились новые. «Евгений, немедленно примите решение. Стоянка запрещена!»

Орнелла указала рукой на экран перед ветровым стеклом, на котором я увидел своё лицо.

– Я буду следить за тобой, – сказала торопливо центаврийка, открывая дверцу с моей стороны.

И едва я выскочил из машины, как она с рёвом развернулась и умчалась в глубину туннеля, где растворилась среди ярких огней.

Я слышал поскрипывание кожи ботинок, когда подходил к стене. Я нажал на красный круг. Я уже знал, что компью-

терная система регистрировала не рисунок на моей ладони, а посылая импульс в моё тело, искала мою генную информацию, которая была закодирована в главном компьютере контрразведки города. И если бы не нашла соответствия, то не открыла бы двери. Здесь невозможно было бы спрятаться, куда-то убежать. Вначале могло последовать звуковое и световое предупреждение:

«Стоять на месте!»

Если человек не реагировал на приказ, то он тотчас расстреливался.

Это, конечно, теоретический пример, потому что на практике подобное никогда не происходило...

Я вошёл в кабину, сказал в пространство: куда я хотел направиться. После чего лифт начал плавно подниматься вверх.

Космодром находился на стыке нескольких городов, в один из которых вела дорога, по которой мы только что приехали сюда. И по сути – мы с Орнеллой были на ничейной границе. Но я не горел желанием попасть в соседний город. Он был точной копией нашего города. Меня более всего интересовали нижние уровни планеты и верхние уровни. В верхних – неизвестно на какой высоте – шла в прошлом долгая война, а в нижних – была где-то скрыта Станция Слежения и Перемещения.

Однако было проще уйти в космос, чем попасть в соседний город или в какой-либо другой уровень Центавра. Умная

техника постоянно вела наблюдение за каждым человеком.

Впоследствии я не удивился, когда узнал, что ещё задолго до того, как наш похищенный корабль долетел до Солнечной системы, он и все те, кто находился на его борту, были тщательно исследованы системами слежения планеты.

Меня восхищала удивительная техника Центавра, но когда я видел, что люди в этом мире значительно уступали в умственном отношении землянам, что их средняя продолжительность жизни центавров тридцать лет то, разумеется, понимал, что находился в умирающей цивилизации. Понимал, что у человечества, в каких бы отдалённых краях Вселенных оно не обитало, никогда не будет далёкого будущего. У любой цивилизации есть детство, юность, старость и смерть. И это естественное развитие космической материи.

Я стоял в кабине и рассеянно смотрел на щиток, на котором по световой дорожке ползла точка моего лифта. Когда он остановился, то я отметил, что выше того уровня, на котором я сейчас находился, были ещё два...

Я вышел на знакомую площадь космодрома. Здесь было тихо.

Космические корабли стояли в глубоких шахтах.

Возможно, там далеко внизу в это время шла погрузка боевой техники: иногда снизу долетал до меня лёгкий шум.

Я словно с высокой горы видел вдали сверкающий ночными огнями наш город.

Здесь надо мной не было искусственного небосвода. Был

только высокий серый потолок.

Я уже вошёл в переходный туннель, что вёл к корабельному люку, как в это время услышал тревожный вскрик Орнеллы – он прозвучал в моей голове:

– Женя, за тобой кто-то идёт!

Я обернулся, но никого не увидел. И на всякий случай расстегнул кобуру пистолета.

Орнелла удивлённо сказала:

– Он только что был на экране и вдруг исчез.

– Это Гордон -Песка?

– Нет, я его не знаю.

– Ты уверена, что он шёл за мной?

– Да, метрах в двадцати. Он почти бежал.

– Ну, если так, то он уже рядом со мной.

Я быстро вынул из кобуры пистолет и оттянул затвор. А в голове вновь раздался тревожный голос Орнеллы:

– Женя, я плохо тебя вижу. Твоё изображение исчезает. Берегись!

Но вокруг было тихо.

Голос Орнеллы оборвался, и я его больше не слышал. Зато я чувствовал где-то прямо перед собой присутствие человека, его взгляд. И хотя от незнакомца не исходила злая воля, но тишина и чужой мир так вздёрнули мои нервы, что я, подняв пистолет, готов был разрядить всю обойму. Как вдруг я заметил, что в пяти шагах от меня, прямо в воздухе появился тёмный, неясный рисунок фигуры человека. Он

быстро приобретал чёткость. И вот ко мне шагнул, широко улыбаясь, лысоголовый Коло с чёрным котом на плече.

Я так и подпрыгнул!

– Коло, как ты здесь оказался?!

Мой старый приятель протянул ко мне руки и сжал в объятиях. Я с трудом вырывался из его рук и вновь спросил:

– Но ведь ты не должен меня знать?

Тот с горечью в голосе ответил:

– Да, я теперь никого не знаю. Меня пятнадцать лет назад лишили памяти, сделали сумасшедшим. Но если ты меня помнишь, значит, мы были друзьями.

– А как тебе удалось пройти на космодром?

И этот милый сумасшедший указал пальцем на своего кота, который в том далёком мире, из которого я прибыл сюда, назывался довольно причудливо: «Слупливатель яиц, приготовленных всмятку, за пять минут до рассвета». Но тот слупливатель мог перемещаться во времени, а на что способен этот?

Коло ответил:

– Он делает меня невидимым для людей и компьютеров контрразведки.

– И это всё?

Коло пожал плечами.

– Я пока не знаю, но буду думать, работать над ним.

– А почему твой аппарат превращается в живое существо?

– Так хотела моя жена...

– Гера?

– Да, Гера. Она человек искусства и любит всё живое. К тому же она долго находилась на космическом фронте, и от всяких звонков, электронных штучек впадает в истерику.

Мы с Коло вошли в пустынный коридор корабля, и я убыстрил шаги. Что-то мне подсказывало, что я пришёл сюда поздно. Я помчался вперёд, гремя тяжёлыми башмаками по ребристому полу. Вбежал через распахнутые двери в зал парикмахеры, увидел опалённые огнём почерневшие стены. Я окликнул робота, но ответом мне была тишина.

Пока я стоял в зале, не зная, что предпринять – мимо меня быстро прошёл Коло и скрылся в корабельной рубке. Я последовал за ним.

Коло подскочил к огромным пультам и, подняв руку, вынул из слупливателя, что превратился в матовый сверкающий шар, висящий в воздухе перед ним – тонкую пластину, швырнул её в прорезь приёмника и начал стремительными жестами нажимать клавиши приборов, глядя на мерцавший экран и говоря мне:

– Эти компьютеры ещё не заблокированы контрразведкой. А я хочу узнать, что произошло со мной пятнадцать лет назад? Почему я попал в категорию сумасшедших... Вот мой мозг...

Но я с большим удовольствием смотрел на Коло и держался чуть в стороне от него, потому что он, то и дело весь-

ма опасно дрыгал ногами и, видимо, забывая, где я стоял, крутился вокруг себя, ища меня взглядом, разбрасывая руки в стороны. От этих сильных движений его редкие волосы встали дыбом над лысиной и были похожи на рога. Но как я ни отодвигался в сторону, Коло поймал меня и подтащил к экрану, тыча в него пальцем и оглушительно крича:

– Вот посмотри! Я был уверен, что у меня стёрли память. И даже пытались уничтожить навыки учёного, но для этого нужно было бы уничтожить все клетки мозга.

На экране в разных проекциях замелькали рассекаемые части пещеристого тела. По ним, извиваясь, быстро скользила красная черта, оставляя за собой круги, квадраты, звёздочки.

– Это стёртая память, – убитым голосом сказал Коло.

– А восстановить её можно?

– Не знаю...

– А тебе известно, где находится Станция Слежения и Перемещения?

Коло с унылым видом пожал плечами и, дрыгая ногой, раздумчиво ответил:

– Я порой думаю, что это я был создателем Станции, но не знаю, где она спрятана.

– Коло, могу ли я взять твой аппарат?

– Ты хочешь найти Станцию?

– Да, и как можно скорей.

– Зачем?

Я рассказал ему всё то, что произошло со мной за те две-три недели с того момента, когда я был похищен на плато Гизе в Египте тем, будущим Коло, и как я оказался в этом мире, и о приказе Орнеллы.

Мой приятель в восхищении покачал головой.

– О, как бы я хотел заглянуть в то далёкое будущее!

Мы вышли в коридор. Аппарат Коло поплыл впереди нас.

Третья глава

И вот тут появился робот Циркон, и бросился мне на грудь с лицом искажённым диким страданием, умоляя меня о спасении его жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.